

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Г.Д. Петрова

Дорогой Виктор Павлович, здравствуйте!

Когда я разговаривала с Вами и Ю.Р. Тищенко, помнила только издательские дела и забыла о других своих злоключениях. Рукопись прочитала. Того, что искала, не нашла и совершенно перестала понимать, зачем мы с «моим» редактором ходили к главному редактору и что-то там обсуждали. Речь тогда шла о кризисе партии (звучали именно эти слова). «Кризиса» в «те» времена еще побаивались, и речь шла о том, что этот «кризис» следует как-то «убрать». Иначе ничего не будет. Я считала, что для Миши эти места важны, и предлагала оставить хотя бы те места, где герой только думает о кризисе (не кризис ли это), но к злонамеренному выводу еще не приходит.

К моему удивлению, в оригинале я никакого «кризиса» не нашла (а мы рассуждали именно о «кризисе») и никакого раздумья о кризисе также. В рукописи всюду прямое утверждение: да, это он. Только не «кризис», а «смерть»(!). (Глава 6. Рассуждения Дмитрия Ивановича Модестова.) В журнале же все исправлено, и без моего ведома. У Миши: «духовная **смерть** партии»; в журнале: «духовный **кризис** партии». Так всюду. Надеюсь, что все будет так, как было у Миши. Исправьте уж, пожалуйста.

Теперь о другом. Светлана Неретина написала, что Мише предложили принести рукопись для сожжения. Это не совсем так. Не представляю даже, как бы осмелились Мише сделать такое идиотское предложение и как бы Миша его выполнил. Это предложение сделали мне (убогой), и мне ничего не оставалось, как подыграть им и принести какой-то экземпляр.

Когда Мишино «партийное дело» прибыло в Ростов, Мишу сначала вызвали в парткомиссию штаба ВВС, так как он уволен был из авиационного института. Разговор не обещал ничего хорошего, но «добрая» парткомиссия сочла, что хорошо бы пригласить жену: «может быть она в чем-то „поможет“». Меня принял некий полковник (Чевычалов). Много из того, о чем он спрашивал, я забыла, но помню, что впоследствии он извратил некоторые мои слова и не в пользу Миши. Особые вопросы и реплики я, конечно, не забыла. Так, например, он возмутился, что Миша вел обучение английскому языку по английским журналам, а не «по переведённым постановлениям партии и правительства». Спросил: «А Вы представляете, что было бы, если бы эта рукопись попала в Би-би-си?» «А где были Вы? Как Вы все это допустили? Почему не разорвали рукопись?». Когда я сказала, что прав таких не имею — рвать чужие вещи, он поморщился, тряхнул брезгливо рукой и сказал: «Какие-то Вы с мужем интеллигентные такие, что ли. Мои дочери не такие».

Впереди была парткомиссия штаба СКВО. Понятно было, что ничто уже не поможет, но хотелось все же продолжать борьбу. Я решила написать письмо Хрущеву. Мишин близкий друг, Михаил Александрович Шленев, который был когда-то парторгом института и

знал партийную кухню, сказал мне, что я могу жаловаться только на «процедуру», остальное не будет приниматься во внимание. Я так и поступила.

Письмо мое пришло уже после очередной парткомиссии и пришло оно в штаб СКВО. Где оно гуляло раньше, не знаю. Вряд ли дошло до Хрущева. Увидела я замызганный листок: видно, читали многие. Принял меня опять-таки полковник (но уже Карпов), которого я заметила еще в предыдущей комиссии — он сидел где-то в глубине. Когда я ему об этом напомнила, он тут же ото всего открестился. Спросил, чего я хочу, пожурил Чевычалова и его дочек и дал дельный совет: «Вашему мужу хорошо бы какое-то время позаниматься физическим трудом, кирпичи поносить, например, или камни какие». А меня попросил принести опасную рукопись для немедленного сожжения, что я и сделала.

Вот все, что я знаю. Может быть, что-то из этого Вам пригодится.

Будьте здоровы!

Г.Д.